

УДК 81-144 + 81-112
DOI: 10.17223/19986645/63/9

О.А. Солопова

КЛЮЧ К БУДУЩЕМУ: ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ ТЕКСТОВ О РОССИИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)¹

Представлен фрагмент исследования модели будущего России, проведенного с использованием инструментария лингвополитической прогностики. Источником материала является оцифрованный корпус The British Newspaper Archive; хронологические рамки охватывают период Великой Отечественной войны (1941–1945). Автором приведены результаты ретроспективного анализа системы метафорических моделей с элементами диахронического сопоставления с данными исследований британского дискурса XIX и XXI вв.

Ключевые слова: лингвополитическая прогностика, будущее, прогностический смысл, Великая Отечественная война, метафора.

Введение

Интерес к изучению дискурса Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее неотъемлемой и ключевой составляющей вызван их колоссальными последствиями, которые, в частности, привели к формированию современной геополитической системы. Переосмысление официальных концепций событий, пересмотр роли СССР в разгроме фашизма не могут не волновать специалистов, занимающихся исследованием дискурса названных периодов как в рамках конкретных дисциплинарных парадигм, так и в русле междисциплинарных подходов.

Особенности современной историографии состоят в активном расширении корпуса источников благодаря рассекречиванию архивных материалов, появлению факсимильных баз данных и технологий цифровой реставрации, которые обеспечивают не только сохранность документов, но и доступ к их полнотекстовым версиям. Архивные документы представляют собой уникальный исторический источник, который позволяет реконструировать «реальность» прошлого, получить представление об особенностях исторической концептуализации периода, выбранного для анализа, об оценке современниками переживаемых ими событий, о доминирующих в ту или иную эпоху образах и моделях, которые детерминировали восприятие прошлого.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00192.

Анализ фактического языкового материала британского архива, который ранее не был объектом лингвистических исследований, нацелен на обогащение исторической памяти о Великой Отечественной войне, на возрождение интереса к событиям данного периода в нашей стране и за рубежом.

Методы исследования. Исследование выполнено с использованием инструментария лингвополитической прогностики, объектом изучения которой является политическое будущее государства. Целесообразность исследования будущего обусловлена тем, что именно сосредоточенность на будущем дает настоящему и прошлому подлинное существование и оценку, задавая определенную структуру политического времени. Научный исследовательский интерес к будущему России неразрывно связан с ее местом в системе глобальных отношений: Россия – один из ключевых игроков на мировой арене, и это обстоятельство является устойчивой и долговременной характеристикой мировой системы, не зависит напрямую от конкретной политической или экономической ситуации в стране.

Инструментарий лингвополитической прогностики включает матрицы (статические и динамические), системы метафорических моделей в синхронии и диахронии, синхронные и диахронные прогностические сценарии с условным разветвлением на две «предельные» альтернативы развития – «светлое» будущее и «мрачное» будущее [1].

Поскольку в политической сфере происходит наиболее тесное взаимодействие различных слоев общества и разных видов знания (от наивного до научного), проявляющегося в виде метафорических формул, в политическом прогностическом тексте ключевой единицей познания, формирования и репрезентации категории прогностичности считается когнитивная метафора. Перефразируя высказывание Э. Кассирера [2. Т. 1], можно сказать, что мир дан нам дважды – один раз в действительности, другой – в метафорах, заслуживающих пристального изучения. В прогностическом исследовании метафора соотнесена с познавательной деятельностью человека с учетом того, что он постоянно приспосабливается к изменяющимся историческим условиям. В процессе жизнедеятельности человек занят переконструированием «матрицы значений» [3. С. 100], тем самым обеспечивая описание прошлого и настоящего метафорами, необходимыми для освоения потока будущей информации. Представляется, что именно метафора является конститутивным свойством предвосхищающего мышления [4–6], интерпретируя прошлое и настоящее, структурируя видение будущей реальности, организуя прогноз, управляя им, направляя его по «светлому пути» либо выбирая «мрачную» альтернативу.

Комплекс исследовательских методов включает метод метафорического моделирования, который дает возможность проанализировать систему метафорических моделей в каждом синхронном срезе; когнитивно-дискурсивный анализ, позволяющий описать специфику функционирования метафорических моделей и иных лингвистических средств в политическом дискурсе в зависимости от исторической ситуации анализируемой эпохи; ретроспективный анализ, направленный на исследование метафо-

рики, характерной для определенного исторического периода (в данной работе – периода Великой Отечественной войны); диахронический анализ, который состоит в сопоставлении синхронной системы и ретроспективных систем метафорических моделей, реализующихся в политическом дискурсе при конструировании образа будущего России. Выявление внутрисистемных сходств и различий на уровне систем метафорических моделей позволяет зафиксировать архетипичные метафоры – когнитивные константы, неизменно востребованные в дискурсе на протяжении длительного периода, значимые в каждом синхронном срезе, выбранном для анализа, обладающие определенным «иммунитетом» к изменениям, вносимым временем [1, 4, 6–9], и установить вариативные характеристики метафорической репрезентации будущего России, проявляющиеся в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафорических моделей в определенные исторические эпохи.

Исследование конструкторов будущего, их метафорического осмысления, сопоставление способов моделирования прогностического смысла в политических дискурсах различных стран на разных этапах развития общества позволяют выявить и описать прогностический потенциал метафоры в статике и динамике и представляют интерес для определения инструментов политических технологий и для изучения ресурсов явного и скрытого управления общественным сознанием.

Хронологические рамки и материал исследования. В предыдущих работах с использованием инструментария лингвополитической прогностики были проанализированы филологически представительные массивы данных британского дискурса XIX и XXI вв. [8, 9]. Выбранный для ретроспективного анализа период Великой Отечественной войны интересен и показателен тем, что в отличие от двух исследованных ранее синхронных срезов, в которых образ России моделировался исключительно в антагонистическом аспекте, что обусловлено, в частности, несовпадающими стратегическими интересами государств, в данном периоде фрагментации две страны принадлежат к одному союзническому геополитическому лагерю, что должно подтвердить или опровергнуть выводы о субъективности и дискурсивности модели будущего, о наличии архетипичных метафор и клишированных образов, задействованных в репрезентации будущего России, о существовании стереотипных негативных моделей восприятия нашей страны и ее будущего в британском политическом дискурсе. Такой анализ позволит взглянуть сквозь текст на часть прошлой реальности, которая лежит за этим текстом, глазами британцев, современников одного из самых трагических и одновременно героических периодов в истории России, установить особенности восприятия и концептуализации будущего в период Великой Отечественной войны, определить степень влияния факторов объективного и субъективного порядка на конструирование модели будущего России и актуализацию определенных лингвистических средств, востребованных в ее создании.

Источником материала является оцифрованный полнотекстовый одноязычный коммерческий корпус The British Newspaper Archive

(21 497 726 газет и журналов с 1700 по 2017 г.), представляющий собрание письменных текстов Великобритании (Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса) [10]. Архив обеспечен корпусным менеджером, автоматизированным многоаспектным тематическим поиском, который предоставляет возможность получения из корпуса необходимой информации (в частности, позволяет идентифицировать запрашиваемый документ, просмотреть его на экране и получить копию его факсимильного изображения в отдельном файле). Полнотекстовая выборка в архиве осуществлялась по словоформам и словосочетаниям «(the) USSR, Russia, future» в изданиях, вышедших в заданном временном диапазоне (22 июня 1941 г. – 9 мая 1945 г.), с условием отбора текстов, в которых присутствуют все запрашиваемые словоформы (рис. 1).

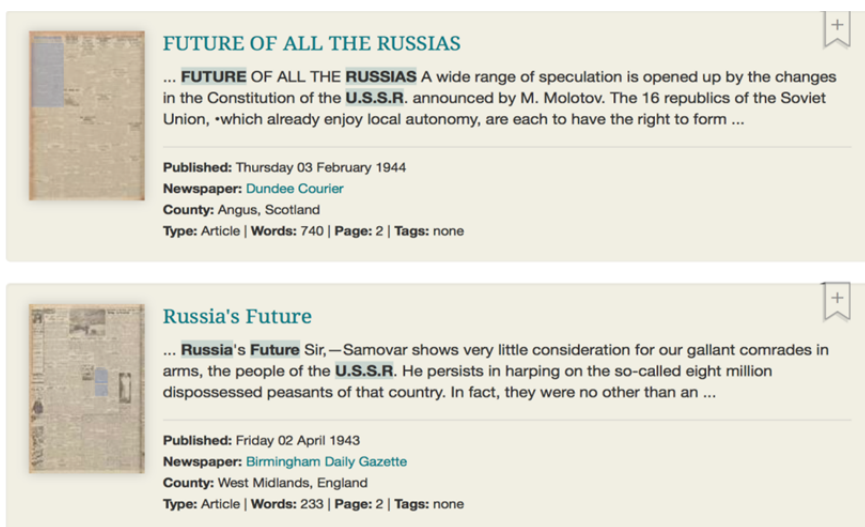

Рис. 1. Фрагмент выдачи корпусом данных, соответствующих условиям запроса

Экстралингвистические метки корпуса включают следующие сведения о тексте: дата опубликования, название издания, место издания (графство и страна), жанр публикации, ее объем, размещение в номере.

Результатом выборки является сформированный иллюстративный корпус, включающий 3373 текста (рис. 2), которые при дальнейшем исследовании обрабатывались вручную по ряду причин.

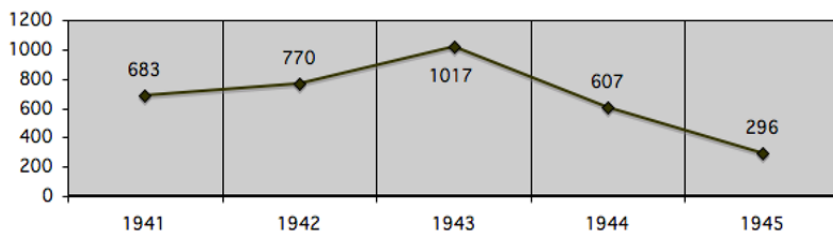

Рис. 2. Результаты выборки в заданном временном диапазоне

Во-первых, существующие программные решения автоматизированного поиска метафор в корпусе текстов, ориентированные на извлечение лексических единиц с близким значением [11], единиц в первичном и переносном значении [12], глаголов в метафорическом значении [12–14], существительных и прилагательных в переносном значении [15], конвенциональных, «стертых» метафор [16], глагольных метафор в конструкциях глагол – субъект, глагол – прямое дополнение, глагол – косвенное дополнение [17], групп существительных с метафорическим значением (noun clustering) [18], нацелены на фиксацию регулярно встречающихся (наиболее частотных) метафорических паттернов в различных корпусах и типах дискурса современного хронологического среза. В настоящей работе анализу подлежит ретроспективный срез, источником материала является оцифрованный архив.

Во-вторых, большинство профессиональных систем оптического распознавания текста (CuneiForm, WinScan2PDF, ABBYY FineReader, Readiris), предназначенных для конвертации отсканированных и сфотографированных текстов, могут преобразовывать оригиналы в редактируемый формат преимущественно с бумажных носителей. Кроме того, качество конвертируемых в текстовый формат файлов с помощью продуктов ABBYY FineReader 12 и системы оптического распознавания текстов (OCR) корпуса The British Newspaper Archive зависит от множества факторов: состояния оригинального источника, качества бумаги, формата документа, блеклости документа, дефектов цветности и т.д. Общее физическое состояние архивных документов, датируемых 1941–1945 гг., а также различные виды повреждений бумаги и текста обуславливают то, что преобразованный текстовый файл часто некорректно отображает содержание оригинального документа, что значительно затрудняет автоматизированную обработку материала и подтверждает необходимость «ручной» выборки контекстов из оцифрованного текста.

В-третьих, в ходе скрупулезного и трудоемкого анализа лингвиста количество метафор нередко оказывается выше, чем число единиц, выявленных в ходе автоматизированного поиска, поскольку часто стертая метафора, лишенная образности, воскрешает ее и генерирует другие метафорические образы, ассоциативно связанные с ней, что достигается за счет повторения или интенсификации метафоры с обогащением контекстной семантики, парадигматических и синтагматических отношений метафорической единицы с другими единицами контекста, синтаксической «упаковки» высказывания, интертекстуальных связей и других способов акцентирования метафоры в тексте.

Собранный иллюстративный корпус изучался с привлечением трехуровневой методики анализа, включающей исследование лингвополитической матрицы, системы метафорических моделей и лингвопрогнозных сценариев. В следующем разделе кратко представлены основные результаты ретроспективного исследования доминантных метафорических моделей, использующихся в британском дискурсе периода Вели-

кой Отечественной войны при репрезентации будущего России, с элементами диахронического анализа.

Основные результаты исследования. В настоящей работе ретроспективный анализ системы метафорических моделей проводится по следующим параметрам: количество метафорических моделей, задействованных в конструировании модели будущего; доминантные для хронологического среза модели; прагматические смыслы, которые они профилируют; способность метафор продуцировать «светлые» и «мрачные» образы будущего. Задача исследователя в рамках данного раздела – показать, как прогностические смыслы, транслируемые политической метафорой, как стертой, так и индивидуально-авторской, поддерживаются, дублируются и акцентируются другими лингвистическими средствами, работающими на семантику будущего и служащими формальной организации прогностического контекста. В контекстах, приводимых в статье, сохранены орфографические, морфологические, синтаксические особенности и шрифтовые выделения оригинальных текстов британского политического дискурса периода Великой Отечественной войны.

В собранном иллюстративном корпусе рассматриваемого хронологического среза, включающем 3 373 текста, зафиксировано 1154 контекста, активизирующих 19 метафорических моделей (табл. 1, где ММ – метафорическая модель, полужирным шрифтом обозначены процентные показатели пяти доминантных моделей, реализуемых при репрезентации будущего, о которых пойдет речь в настоящей статье).

Т а б л и ц а 1

Система метафорических моделей, функционирующих в политическом дискурсе Великобритании анализируемого среза

№	Название метафорической модели (ММ)	100 % – 1 154
1	ММ неживой природы	14,0%
2	ММ пути	12,7%
3	ММ дома	12,5%
4	ММ родства	11,3%
5	ММ строительства	9,7%
6	Физиологическая ММ	8,6%
7	ММ механизма	8,0%
8	Зооморфная ММ	4,1%
9	Милитарная ММ	3,9%
10	Педагогическая ММ	2,7%
11	Экономическая ММ	2,6%
12	ММ болезни	2,5%
13	Монархическая / Феодальная ММ	2,4%
14	Фитоморфная ММ	1,3%
15	Спортивная ММ	1,2%
16	ММ Игры	0,9%
17	Театральная ММ	0,6%
18	Инструментальная ММ	0,5%
19	Криминальная ММ	0,5%

Как отмечалось в предыдущих исследованиях [1, 8, 9], одной из архетипичных в репрезентации будущего является метафора неживой природы в силу своей способности моделировать неопределенность, непредсказуемость и стихийность грядущего. Основные смыслы, в большинстве своем негативные, транслируемые метафорами модели при концептуализации будущего, обычно связаны с отсутствием возможности предугадать будущее, повлиять на ход событий, противостоять масштабным катастрофам и стихийным разрушительным силам будущего (табл. 2, где ММ – метафорическая модель. Данные, полученные в ходе анализа британского дискурса периода Великой Отечественной войны, выделены цветом и приведены в порядке убывающей частотности. Арабские цифры (в скобках) показывают распределение моделей на шкале частотности в каждом из хронологических срезов. Частотность каждой метафорической модели, выявленной при исследовании ретроспективного среза (1941–1945) указана в табл. 1).

Таблица 2

Диахронический статистический анализ метафорических моделей неживой природы, пути, функционирующих в политическом дискурсе Великобритании

№	Название метафорической модели (ММ)	XIX в. 100 % – 1 345	XX в. 100 % – 1 154	XXI в. 100 % – 1 917
1	ММ неживой природы	5,4% (8)	14,0% (1)	7,8% (5)
2	ММ пути	16,6% (1)	12,7% (2)	10,4% (4)

Тем не менее дискурсивность политической метафоры, ее зависимость от экстралингвистического контекста, позволяет «переворачивать» конвенциональный сценарий модели, нивелируя традиционно негативные прагматические смыслы, обуславливая ее способность реализовываться в «светлом» варианте: *Soviet Avalanche. VAST forces of the Red Army are chasing the fleeing Germans off their feet. The Soviet is going forward like an avalanche*¹. Portsmouth Evening News, 25 July 1944. Метафора лавины нацелена на концептуализацию бескрайних и значительных сил Красной Армии, направленных против общего врага, их динамичность и активность, что изначально задает доминантную положительную оценочность образа. Начав свое движение, эта сила, словно лавина, уже не может остановиться, сметая на своем пути фашистских захватчиков. Акцентированию метафоры лавины и профилируемых ею смыслов масштаба, напора, постоянного движения способствуют употребление метафорической единицы *Soviet Avalanche* в сильной позиции текста (в заглавии статьи); введение в контекст прилагательного *VAST* (very great in size, amount, degree, intensity, or especially in extent or range [19]; огромный, обширный, громадный, бескрайний, безбрежный, бесконечный [20]), его шрифтовое выделение; глагол движения *go forward* в настоящем длительном времени (Present Conti-

¹ Советская лавина. БЕСКРАЙНИЕ силы Красной Армии преследуют спасающихся бегством немцев по пятам. Советский народ движется вперед словно лавина.

puous), подчеркивающим континуальность, непрерывность действия, его направленность в будущее – к победе, единственному условию, которое может остановить движение лавины. Обращает на себя внимание согласование субстантивированного прилагательного Soviet, употребленного с определенным артиклем, с глаголом в единственном числе. Как известно, полная субстантивация прилагательного позволяет использовать его в единственном числе с неопределенным артиклем в значении отдельного представителя нации (a Soviet – гражданин СССР) и во множественном числе с определенным артиклем, обозначая нацию и страну в целом (the Soviets – Советский Союз, граждане СССР). В приведенном контексте заместительное использование грамматической формы единственного числа с определенным артиклем (the Soviet is) стилистически маркировано; соединение двух функциональных значений, на взгляд автора, может трактоваться как грамматическая метафора, транслирующая смыслы небывалого единения государства, армии и народа, совместных усилий, общей и единственной цели («все как один»), что согласуется с общей тональностью британского дискурса периода Великой Отечественной войны о нашей стране.

Другой доминантной метафорой, востребованной в концептуализации будущего, является метафора пути, единицы которой занимают второе место на шкале частотности в корпусе текстов анализируемого хронологического среза: *Russia Will Change. One of the great nations of the world, a pioneer in history, the country that made history in the war – Russia is on the march. The best we can do for the future of humanity is to see Russia, together with other United Nations, enter new paths which would be a benefit to humanity*¹ / The Scotsman, February 15, 1945. Архетипичность метафоры пути в моделировании будущего как темпорального отрезка детерминирована линейным восприятием времени человеком как движения из прошлого через настоящее в будущее. Метафора пути связывает временную триаду в единое целое, где прошлое предопределяет настоящее, а настоящее влияет на будущее. В иллюстративном контексте прошлое, настоящее и будущее России также выстроены в линейной последовательности в концептуальном и синтагматическом планах. Характеристика великого прошлого страны, открывающая текстовый фрагмент, приведена в обособленном приложении (*one of the great nations of the world, a pioneer in history, the country that made history in the war*), которое является дополнительной ремой высказывания [21, 22], логически и эмоционально подчеркивая значимость прошлых заслуг, свершений и побед России. Пунктуационно выделенная «тире» позиция обособленного приложения в начале предложения придает данному члену больший синтаксический и прагматический вес [23], вы-

¹ Россия изменится. Одна из ведущих наций мира, пионер в истории, страна, которая вошла в историю войны, Россия постоянно находится в развитии. Самое лучшее, что мы можем сделать для будущего человечества, – увидеть, как Россия вместе с другими странами Организации Объединенных Наций вступит на новый путь, который принесет пользу человечеству.

двигая характеристику прошлого страны в коммуникативный фокус текстового фрагмента. Метафора пути *a pioneer* (пионер, первопроходец) репрезентирует Россию как страну, вписавшую новую страницу в историю мира, что позволило ей добиться успехов не только на военном поприще, но и в собственном, отличном от других развитии и что определяет ее настоящее (*Russia is on the march*). Интересна метафора *on the march*, непосредственно связанная с военным временем, передвижением войск, успешными военными кампаниями, которая одновременно транслирует смыслы постепенного прогрессивного пути (эволюции). Россия открыта будущему, которое в рамках стертой метафоры пути предлагает ей различные векторы движения (*new paths*), каждый из них, будучи светлым и эволюционным, направлен на развитие человечества и мирового сообщества в целом.

Рассмотренные метафорические модели неживой природы и пути по результатам предыдущих работ [8, 9] были отнесены к архетипичным моделям, задействованным в моделировании будущего России, что полностью подтверждается данными, полученными в ходе анализа материала британского дискурса периода Великой Отечественной войны.

Показателен диахронический анализ статистических данных представленности метафор трех других доминантных для анализируемого хронологического среза моделей (дома, родства и строительства) (табл. 3).

Таблица 3

Диахронический статистический анализ метафорических моделей дома, родства и строительства, функционирующих в политическом дискурсе Великобритании

№	Название метафорической модели (ММ)	XIX в. 100 % – 1345	XX в. 100 % – 1154	XXI в. 100 % – 1917
1	ММ дома	0,7% (16)	12,5% (3)	–
2	ММ родства	0,7% (16)	11,3% (4)	1,9% (13)
3	ММ строительства	–	9,7% (5)	2,5% (12)

Сопоставительное исследование показывает, что доминантные для британского дискурса периода Великой Отечественной войны модели дома, родства и строительства в дискурсе Великобритании XIX и XXI вв. либо относятся к периферии метафорического образа будущего России, либо вообще не представлены. К примеру, метафоры дома и родства занимают последнее место в системе метафорических моделей XIX в., участвующих в лингвистическом обеспечении модели будущего России; метафоры родства и строительства не активны в дискурсе начала XXI в., занимая на шкале частотности 12-е и 13-е места соответственно при общем количестве моделей 18. Кроме того, в политическом дискурсе Великобритании XIX в. не представлена модель строительства, в XXI в. – метафора дома.

Три доминантные для анализируемого хронологического среза модели (дома, родства и строительства) концептуально ориентированы на моделирование светлых сторон будущего и чаще всего будущего собственной страны: Родина – это дом, который помогает, защищает, служит человеку,

воспитывает и изменяет его (метафора дома), где живут родные и куда приходят друзья (метафора родства), который приходится отстраивать, ремонтировать и приводить в порядок (метафора строительства). Тем более показателен факт востребованности рассматриваемых метафорических моделей в политическом дискурсе Великобритании в репрезентации будущего другой страны, России.

В рамках метафоры дома одной из самых востребованных при обращении к образу будущего является метафора «ключ», пересекающаяся с инструментальной источниковой сферой: *Unless we threw our whole strength into a military alliance with Russia, victory would slip out of our hands. Russia is the key that can unlock the doors of our future*¹ / Hull Daily Mail, 09 March 1942. Несмотря на почти утраченную образность, метафора «ключ» профилирует положительные коннотативные смыслы, что связано в первую очередь с функцией, которую ключ выполняет, открывая доступ, устраняя преграду, символизируя продвижение, решение, свободу действий и выбора, получение нового знания. Россия – это ключ к будущему, к победе и миру. Определенный артикль и уточняющее придаточное определительное (*the key that can unlock the doors of our future*) указывают на исключительность, наивысшую степень соответствия России данному образу. Метафора «двери будущего» (*the doors of our future*), употребленная во множественном числе, акцентирует многогранность будущего, его поливариантность. Обращают на себя внимание морфологические средства выражения модальности, обрамляющие политическую метафору. Текстовый фрагмент открывается сложноподчиненным предложением с употреблением настоящих видовременных форм косвенных наклонений: сослагательного II и условного. Ирреальная модальность в репрезентации действий самой Великобритании контрастирует с утверждением в индикативе, являющимся ядром прогностического фрагмента, констатирующим факт того, что именно Россия является единственным ключом, подходящим ко всем замкам будущего. Употребление модального глагола *can* в значении физической / интеллектуальной способности к совершению действия (*can unlock*) подчеркивает наличие у России ресурсов для достижения желаемого будущего. Футуральная перспектива задается лексическим маркером (*future*), завершающим текстовый фрагмент.

Факт союзничества двух держав в рассматриваемый исторический период актуализирует использование стертых метафорических единиц сферы-источника «родственные отношения» («братья», «братья по оружию», «дружба», «друзья», «товарищи» и др.): *Only by the closest cooperation between the Soviet Union and Great Britain can we win the war and the peace which will follow it. Apart from the experience of collaboration is the obligation for future generations to forge a strong bond of friendship with a nation so pow-*

¹ Если бы мы не направили все наши силы на военное сотрудничество с Россией, победа ускользнула бы у нас из рук. Россия – тот ключ, который может отпереть двери от нашего будущего.

*erful and rich in natural resources*¹ / Hastings and St Leonard's Observer, 04 March 1944. Метафора *to forge a strong bond of friendship* профилирует смыслы товарищества, близких отношений, тесного сотрудничества, которые дублируются лексемами *cooperation* и *collaboration*, предшествующими ей. Кроме того, она указывает на возможные трудности будущего и противоречия прошлого (*to forge* – *to form or bring into being especially by an expenditure of effort* [19]), которые придется преодолеть, на усилия, которые потребуются приложить, чтобы способствовать сближению двух столь разных систем и заложить основы прочной дружбы в мирное время, поскольку «выиграть» мир бывает сложнее, чем войну. Акцентирование смыслов, транслируемых метафорой, достигается с помощью средств эмотивного синтаксиса.

Обстоятельство образа действия в начале первого предложения, типичным местом которого является позиция после прямого дополнения сказуемого, выраженного переходным глаголом, получает добавочную смысловую и экспрессивную нагрузку [24, 25] и поддерживается инверсией главных членов предложения (части сказуемого и подлежащего), подчеркивая основное условие победы в войне и достижения поставленных каждым из государств целей в мирное время – тесное сотрудничество, наибольшая интенсивность проявления признака которого эксплицируется прилагательным в превосходной степени сравнения (*only by the closest cooperation between the Soviet Union and Great Britain*). Во втором предложении редкая для английского языка полная инверсия именного сказуемого и подлежащего (*is the obligation ... to forge a strong bond of friendship*) экспрессивно, эмоционально и прагматически выделяет как саму метафорическую единицу на грамматическом уровне, так и обязанность, долг будущих поколений, причины, по которым эта дружба должна продолжаться, – на концептуальном. Качественные характеристики могущества Советского Союза, его огромного ресурсного потенциала, во многом определяющие его будущее развитие и потребность в сотрудничестве с этим государством (что особенно значимо для геополитической дружбы), также акцентированы употреблением определения в постпозиции, вынесенного в абсолютный конец предложения (*with a nation so powerful and rich in natural resources*).

Архетипичной метафорой в моделировании светлой альтернативы будущего является также модель строительства, ассоциативно связанная с позитивными преобразованиями: *There had been a tremendous increase of interest in Russia, and an appetite for more first hand knowledge of this great country and its achievements had been engendered. On these foundations we must build and, as the old suspicions are extinguished, the way will be opened*

¹ Только посредством самого тесного сотрудничества между Советским Союзом и Великобританией мы сможем выиграть войну и мир, который следует за ней. Помимо опыта сотрудничества будущие поколения обязаны выковать прочные узы дружбы с таким могучим народом, со страной, столь богатой природными ресурсами.

*up for a new era in European civilisation*¹ / Liverpool Daily Post, June 21, 1943. В образе будущего, создаваемом метафорами строительства, можно разглядеть потенциал отношений между двумя странами, возможностью сформировать и выстроить их на новых основах, общие ценностные ориентиры, объединяющие оба государства в настоящем и являющиеся условием их перспективного сотрудничества в будущем. В иллюстративном примере наблюдается слияние значений футуральности и внутренне осознанной облигаторности, эксплицируемой модальным глаголом *must*. Позиция предложного дополнения (*on these foundations*) в начале предложения (один из наименее типичных для английского языка случаев инверсии) усиливает смысловую нагрузку данного члена предложения, выделяя основу для построения новой европейской цивилизации, в которой России отводится ведущая роль. Кроме того, инвертированный порядок слов обусловлен тем, что метафора «фундамент» (*on these foundations*), открывающая второе предложение, непосредственно связана со сказанным ранее, отсылает к нему и обобщает: огромный интерес британской общественности к России становится базисом не только для выработки будущей стратегии в отношениях с ней, но и для переоценки ее прошлого, для его переработки и систематизации с точки зрения изменившихся условий и общих задач: Россия именуется великой страной, у которой имеются заслуги и достижения. «Старое – новое», одна из базовых ценностных оппозиций политического дискурса, приобретает особую значимость в рамках метафоры строительства, позволяя творцам будущего разрушать до основания стереотипы прошлого (*as the old suspicions are extinguished*) и выстаивать новую модель отношений, прокладывая дорогу в будущее (*the way will be opened up for a new era*).

Активное использование метафор дома, родства и строительства при моделировании будущего России в корпусе британских текстов периода Великой Отечественной войны может свидетельствовать, во-первых, о внутридискурсивных сходствах в моделировании образа светлого будущего собственного государства и будущего союзной державы на уровне метафорических систем; во-вторых, о зависимости не только между *метафорами* и образами, которые они генерируют, но и между *образами* и метафорами, которые они притягивают; в-третьих, на концептуальном уровне – о нивелировании культурно-цивилизационных, идеологических и иных противоречий при репрезентации образа союзника и его будущего, о проецировании на союзника собственных качеств, особенностей, целей и установок. Россия считается Своей, несмотря на то, что она остается Другой. Великобританию не «смущает» советская идеология, когда Советская Россия является ее союзником (в то время как, к примеру, в XIX в. отрицание российско-

¹ Возросший интерес к России огромен. Возникло желание узнать «из первых рук» об этой великой стране и о ее достижениях. Мы должны строить на этом фундаменте. Когда будут уничтожены старые подозрения, будет открыт путь для новой эры в европейской цивилизации.

го абсолютизма оказывало первостепенное влияние на формирование модели будущего Российской империи, геополитического противника Великобритании, несмотря на то, что последняя сама являлась монархией). У двух государств общие ценностные ориентиры, поэтому будущее Другой, чужой страны моделируется в рамках метафор, типичных для репрезентации будущего собственного государства, особенно в светлом ключе. Полученные результаты показывают, что моделирование будущего России в британском дискурсе периода Великой Отечественной войны резко контрастирует с основными тенденциями, выявленными в ходе анализа исследовательского материала британского политического дискурса XIX в. и начала XXI в.: с восприятием России как страны за пределами Европы, с полным неприятием ее жизнеустройства и государственного управления (как царского абсолютизма, так и суверенной демократии), что, в частности, связано с несовпадением стратегических интересов двух стран на геополитической арене, с геополитическим соперничеством, имеющим облик как дипломатических войн (XIX, начало XXI в.), так и реальных кровопролитий (XIX в.) [8, 9].

Заключение. Проведенное исследование подтвердило полученные ранее выводы о том, что метафора является ключом к пониманию будущего. Интенсификация прогностического смысла, актуализованного в метафоре, обладающей возможностью моделировать суть политических отношений и связей, достигается за счет ее парадигматических и синтагматических отношений с другими единицами контекста, обогащения и акцентуации футуральной семантики и создаваемых метафорой образов будущего, в рамках данного хронологического среза – светлого.

Полученные при диахроническом анализе результаты на уровне доминантных метафорических моделей, во-первых, свидетельствуют как о наличии архетипичных метафор (неживой природы, пути), так и о специфике моделирования образа будущего России в политическом дискурсе Великобритании периода Великой Отечественной войны; во-вторых, об особенностях восприятия и концептуализации образа союзника в целом. В-третьих, подтверждают выводы о субъективности и субъектоцентричности политического дискурса: модель будущего другого государства выстраивается на основе собственных приоритетов и целей, совпадения или столкновения геополитических интересов, видения перспектив развития своей страны в прогнозируемом будущем. В-четвертых, полученные результаты вновь акцентируют дискурсивную обусловленность прогностических метафор, их детерминированность историческим контекстом эпохи. С одной стороны, несмотря на способность любой метафорической модели продуцировать разнозаряженные образы (негативные и позитивные), за каждой метафорой закреплён конвенциональный сценарий, определяющий ее типичное развертывание и доминантные аксиологические смыслы (к примеру, криминальная и морбиальная метафорика более востребованы в моделировании «мрачного» будущего, метафоры дома и строительства – «светлого»). С другой стороны, дискурсивная обусловленность метафоры,

ее зависимость от социального, политического, идеологического, исторического контекста не только влияют на активизацию определенных метафорических моделей, но и на транслируемые ими смыслы: чем выше потенциальная враждебность, тем больше негативных значений втягивается в конструкцию будущего, и наоборот, чем крепче геополитическое союзничество, тем многограннее «светлая» альтернатива будущего.

Кроме того, данные, полученные в ходе ретроспективного анализа системы метафорических моделей британского дискурса периода Великой Отечественной войны, и их сопоставление с результатами исследований дискурса Великобритании XIX и XXI в. свидетельствуют в пользу существования стереотипных позитивных моделей восприятия и моделирования образа союзника и его будущего (1941–1945 гг.) и стереотипных негативных моделей восприятия и моделирования образа геополитического соперника и его будущего (XIX и XXI вв.), нежели об исторически сформировавшемся, клишированном, исключительно негативном образе России, детерминированном культурно-политическими, идеологическими предубеждениями, штампами исторической памяти и т.д. Выбранный в качестве отправной точки анализа настоящий момент (хронологические рамки исследования), особенности существующей / существовавшей на данный момент геополитической расстановки сил задают ключевую тональность как в моделировании будущего России, так и в интерпретации ее прошлого.

Литература

1. Chudinov A.P., Solopova O.A. Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 200. P. 412–417.
2. Кассирер Э. Философия символических форм / пер. С.А. Ромашко. Т. 1: Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
3. Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание / АН АзССР. Ин-т философии и права. Баку: Элм, 1987. 155, [2] с.
4. Anikin E.E., Budaev E.V., Chudinov A.P. Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. 2015. № 3 (44). С. 26–32.
5. Chilton P. Manipulation, Memes and Metaphors: The Case of Mein Kampf // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century* / ed. by L. de Saussure P. Schulz. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 5–45.
6. Trim R. Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping. New York: Palgrave Macmillan, 2011. 230 p.
7. Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. Vol. 53. P. 115–126.
8. Солопова О.А. Россия в Европе: будущее в метафорическом зеркале прошлого // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 3. С. 126–137.
9. Солопова О.А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 46. С. 55–70.
10. *The British Newspaper Archive*. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>

11. Lin D. Automatic retrieval and clustering of similar words // Proceedings of the 17th International Conference on Computational Linguistics. Montreal, 1998. P. 768–774.
12. Gedigian M., Bryant J., Narayanan S., Ciric B. Catching metaphors // Proceedings of the 3rd Workshop on Scalable Natural Language Understanding. New York, 2006. P. 41–48.
13. Birke J., Anoop S. A clustering approach for the nearly unsupervised recognition of nonliteral language // Proceedings of EACL-06. Trento, 2006. P. 329–336.
14. Shutova E., Sun L., Korhonen A. Metaphor identification using verb and noun clustering // Proceedings of COLING. Beijing, 2010. P. 1002–1010.
15. Krishnakumaran S., Zhu X. Hunting elusive metaphors using lexical resources // Proceedings of the Workshop on Computational Approaches to Figurative Language. Rochester, NY, 2007. P. 13–20.
16. Martin J.H. A Computational Model of Metaphor Interpretation. San Diego, CA : Academic Press Professional, Inc., 1990. 229 p.
17. Shutova E., Teufel S., Korhonen A. Statistical metaphor processing // Computational Linguistics. 2013. Vol. 39, iss. 2. P. 301–353.
18. Shutova E., Sun L., Gutiérrez E.D., Lichtenstein P., Narayanan S. Multilingual metaphor processing: Experiments with semi-supervised and unsupervised learning // Computational Linguistics. 2017. Vol. 43, iss. 1. P. 71–123.
19. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York : Gramercy books, 1996. 2256 p.
20. Мюллер В.К. Самый полный англо-русский и русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500 000 слов. М. : АСТ, 2016. 800 с.
21. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. 3-е изд. М. : Высш. шк., 1986. 639 с.
22. Пулеха И.Р. Приложение в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 189 с.
23. Азарова Н.Д. Лингвопоэтические, семиотические и коммуникативные основы английской пунктуации: на материале современной англоязычной художественной прозы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 209 с.
24. Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. 2-е изд. М. : УРСС, 2009. С. 16–21.
25. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. 3-е изд. М. : URSS, 2009. 296 с.

The Key to the Future: Predictive Meanings of Political Metaphor (Based on British Texts about Russia of the Great Patriotic War Period)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 63. 161–177. DOI: 10.17223/19986645/63/9

Olga A. Solopova, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: o-solopova@bk.ru

Keywords: linguistic political prognostics, future, predictive meaning, Great Patriotic War, metaphor.

The present research is performed on the lines of linguistic political prognostics. The source material is a digitized full-text commercial monolingual corpus “The British Newspaper Archive”. The statistically valid sampling was retrieved for the word forms “the USSR, Russia, future” from British publications (including those of England, Scotland, Ireland, and Wales) issued in the specified time span (22 June 1941 – 09 May 1945). The system of metaphorical models of the retrospective period is analyzed according to the following parameters: the number of metaphorical models used to construct models of Russia’s future; dominant metaphors in the chronological period under analysis; pragmatic meanings they convey; the ability of metaphors to produce “best-case” and “worst-case” images of the future. The illustrative corpus comprises 3,373 texts, with 19 metaphorical models in 1,154 contexts. The present article briefly recalls the main results of the retrospective analysis of the dominant

metaphorical models used in the British discourse of the Great Patriotic War period to construct the future of Russia; the elements of the diachronic analysis include their comparison with the findings obtained from the previous research of the 19th- and 21st-century British political discourse. The author proves that portraying Russia's future as INANIMATE NATURE and PATH is archetypal for British political discourse about Russia's future, while dominant metaphors of HOME, RELATIONSHIP, and CONSTRUCTION are specific only to the Great Patriotic War period. The author shows that predictive meanings conveyed by metaphors are maintained, duplicated and accentuated by other linguistic means used to express future semantics and to formally organize the prognosticating context. The data obtained from the diachronic research verify the findings that political discourse is subjective and subject-centered, and that the use of particular metaphors modeling the future is determined by certain discursive factors and historical context of the period, but these new findings call into question the existence of the historically formed, stereotyped, and extremely negative image of Russia and her future found in British political discourse. The analysis of the new material of the Great Patriotic War period from the British Newspaper Archive, which has not been an object of any linguistic research so far, is aimed at enriching the historical memory about the Great Patriotic War and inspiring a renewed interest in the events of the period in our country and abroad.

References

1. Chudinov, A.P. & Solopova, O.A. (2015) Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 412–417.
2. Cassirer, E. (2002) *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of Symbolic Forms]. Translated from French by S.A. Romashko. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
3. Kuliev, G.G. (1987) *Metafora i nauchnoe poznanie* [Metaphor and Scientific Cognition]. Baku: Elm.
4. Anikin, E.E., Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2015) Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3 (44). pp. 26–32.
5. Chilton, P. (2005) Manipulation, Memes and Metaphors: The Case of Mein Kampf. In: de Saussure, L. & Schulz, P. (eds) *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. pp. 5–45.
6. Trim, R. (2011) *Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping*. New York: Palgrave Macmillan.
7. Osborn, M. (1967) Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family. *Quarterly Journal of Speech*. 53. pp. 115–126.
8. Solopova, O.A. (2014) Russia in Europe: Future in the Metaphorical Mirror of Past. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 3. pp. 126–137. (In Russian).
9. Solopova, O.A. (2017) Metaphor in Modeling the Future: The Best-Case Scenario (Based on Political Discourses of Russia, the USA and Great Britain, the 21st Century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 46. pp. 55–70. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/46/5
10. *The British Newspaper Archive*. [Online] Available from: <https://www.british-newspaperarchive.co.uk>
11. Lin, D. (1998) Automatic retrieval and slustering of similar words. *Proceedings of the 17th International Conference on Computational Linguistics*. Montreal. pp. 768–774.
12. Gedigian, M., Bryant, J., Narayanan, S. & Ciric, B. (2006) Catching metaphors. *Proceedings of the 3rd Workshop on Scalable Natural Language Understanding*. New York. pp. 41–48.
13. Birke, J. & Anoop, S. (2006) A clustering approach for the nearly unsupervised recognition of nonliteral language. *Proceedings of EACL-06*. Trento. pp. 329–336.

14. Shutova, E., Sun, L. & Korhonen, A. (2010) Metaphor identification using verb and noun clustering. *Proceedings of COLING*. Beijing. pp. 1002–1010.
15. Krishnakumaran, S. & Zhu, X. (2007) Hunting elusive metaphors using lexical resources. *Proceedings of the Workshop on Computational Approaches to Figurative Language*. Rochester, NY. pp. 13–20.
16. Martin, J.H. (1990) *A Computational Model of Metaphor Interpretation*. San Diego, CA: Academic Press Professional, Inc.
17. Shutova, E., Teufel, S. & Korhonen, A. (2013) Statistical metaphor processing. *Computational Linguistics*. 39 (2). pp. 301–353.
18. Shutova, E. et al. (2017) Multilingual metaphor processing: Experiments with semi-supervised and unsupervised learning. *Computational Linguistics*. 43 (1). pp. 71–123.
19. Whitehall, H. (ed.) (1996) *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language*. New York: Gramercy books.
20. Myuller, V.K. (2016) *Samyy polnyy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar' s sovremennoy transkripsiey: okolo 500 000 slov* [The Most Complete English-Russian and Russian-English Dictionary With Modern Transcription: About 500,000 Words]. Moscow: AST.
21. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language: Grammatical Doctrine of the Word]. 3rd ed. Moscow: Vyssh. shk.
22. Pulekha, I.R. (1999) *Prilozhenie v sovremennom angliyskom yazyke* [Apposition in Modern English]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
23. Azarova, N.D. (2001) *Lingvopoeticheskie, semioticheskie i kommunikativnye osnovy angliyskoy punktuatsii: na materiale sovremennoy angloyazychnoy khudozhestvennoy prozy* [Linguopetic, Semiotic and Communicative Foundations of English Punctuation: Based on the Material of Modern English-Language Fiction]. Philology Cand. Diss. Moscow.
24. Kovtunova, I.I. (2009) *Sovremennyy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [Modern Russian Language: Word Order and Actual Division of a Sentence]. 2nd ed. Moscow: URSS. pp. 16–21.
25. Smirnitkiy, A.I. (2009) *Sintaksis angliyskogo yazyka* [The Syntax of English]. 3rd ed. Moscow: URSS.